

Алистер Маклин

ПОСЛЕДНЯЯ ГРАНИЦА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
М 15

Alistair MacLean
PARTISANS

First published in Great Britain by Collins 1982
Copyright © HarperCollins *Publishers* 1982

THE LAST FRONTIER

First published in Great Britain by Collins 1959
Copyright © HarperCollins *Publishers* 1959

SOUTH BY JAVA HEAD

First published in Great Britain by Collins 1958
Copyright © HarperCollins *Publishers* 1958

Alistair MacLean asserts the moral right to be identified
as the author of this works
All rights reserved

Перевод с английского
Александра Александрова, Кирилла Плешкова, Дениса Попова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-29781-4

© А. П. Александров, перевод, 2025
© К. П. Плешков, перевод, 2025
© Д. В. Попов, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ПОСЛЕДНЯЯ ГРАНИЦА

ГЛАВА 1

С севера, не утихая, дул ветер. Холодный ночной воздух обжигал лицо. На снегу не видно никакого движения. Под застывшими в вышине звездами во все стороны простиралась бесконечная замерзшая равнина — пустая, безлюдная, она сливалась в туманной дали с пустым горизонтом. Надо всем царила мертвая тишина.

Рейнольдс знал: пустота эта обманчива. Как и безлюдье, и тишина. Реален здесь только снег — снег и пробирающий до костей холод, ледяным саваном окутавший его с головы до пят и непрерывно сотрясающий тело жестокими, неконтролируемыми судорогами, как при малярийной лихорадке. Может быть, и едва заметно овладевающая им дремота — только лишь обман чувств? Но нет, и это реальность, и он прекрасно понимает, чем все может закончиться. Решительно, почти свирепо отринув мысли о снеге, холоде и сне, он сосредоточился на том, как ему остаться в живых.

Медленно, аккуратно, избегая малейших звуков и движений, он просунул зачочневшую руку за отворот пальто, достал из нагрудного кармана носовой платок, скомкал его и запихнул в рот — это поможет стать невидимым и неслышимым, насколько возможно: кляп рассеет пар изо рта, поднимающийся в морозном воздухе, и заглушит стук зубов. Затем он осторожно повернулся в глубоком заснеженном кювете, в который свалился, и протянул руку, почему-то покрывшуюся от холода синими и белыми пятнами, за фетровой шляпой (слетевшей у него с головы, когда он рухнул с ветки дерева, которая сейчас нависала над ним), нащупал ее и подтянул осторожно к себе. Потом хорошенько — насколько позволили онемевшие, почти уже ни на что не годные

пальцы — присыпал тулью и поля приличным слоем снега, натянул шляпу пониже на выдававшую его копну черных волос и стал до нелепости неспешно приподнимать голову и плечи, пока сперва поля шляпы, а затем и глаза не оказались выше края кювета.

Отчаянно дрожа, он все-таки сумел собраться всем телом, как натянутая тетива, в напряженном, тошнотворном ожидании крика, который возвестит, что его заметили, или выстрела, или оглушающего удара, который отправит его в небытие, когда пуля попадет в незащищенную цель — его голову. Но никто не крикнул и не выстрелил, лишь с каждым мгновением обострялись его чувства. Бегло окинув взглядом линию горизонта, он убедился: по крайней мере, поблизости нет ни души.

Двигаясь все так же осторожно и медленно, очень, очень постепенно разрешая себе дышать свободнее, Рейнольдс выпрямился и встал на колени. Он по-прежнему дрожал от холода, но уже не замечал этого, сонливость как рукой сняло. Он снова обвел внимательно зоркими карими глазами весь горизонт — на этот раз не торопясь, как бы прощупывая его, стараясь ничего не упустить, и вновь не обнаружил ничего подозрительного. И никого. Вообще ничего, только ледяное мерцание звезд на темном бархате неба, плоскую белую равнину, несколько рощиц, разбросанных здесь и там, да извилистую ленту дороги рядом, плотно утрамбованную зимними шинами тяжелых грузовиков.

Рейнольдс опустил обратно в глубокую яму, образовавшуюся при его падении в заваленный снегом кювет. Ему нужно было время. Время нужно было, чтобы отдышаться, чтобы легкие перестали жадно ловить воздух: прошло всего каких-то десять минут с того момента, когда грузовик, в кузов которого он тайно забрался, был остановлен полицейским блокпостом. Произошла короткая, яростная схватка с двумя ничего не подозревавшими полицейскими, полезшими осматривать кузов (пришлось орудовать пистолетом, держа его рукояткой вверх), затем он стремглав бросился к спасительному повороту дороги; с милую, задыхаясь, бежал до небольшой рощицы, у которой сейчас лежал в полном изнеможении от пережитого. Время нужно было и для того, чтобы понять, почему полицейские так легко отказались от погони, — они ведь знали, что он будет держаться дороги: сой-

ти с нее в глубокий, нетронутый снег по любую сторону означало бы не только замедлить шаг и едва тащиться, но и тут же выдать себя следами, которые так хорошо видны в эту звездную ночь. Ну и, прежде всего, время нужно было, чтобы подумать, спланировать дальнейшие действия.

Майкл Рейнольдс никогда не тратил времени на самобичевание или размышления о том, что было бы, если бы он поступил иначе. Он прошел суровую школу, где строго-настроено воспрещалась праздная роскошь корить себя за то, чего уже никак не вернешь, копаться без всякой пользы в причинах неудач, горевать о непоправимом и погружаться в тягостные раздумья и чувства, которые могли бы хоть сколько-нибудь помешать действовать с полной отдачей. Примерно пять секунд ушло у него на то, чтобы прокрутить в уме события последних двенадцати часов, а затем он выбросил все это из головы. Он бы снова сделал все точно так же. У него были все основания верить своему информатору в Вене, что воздушное сообщение с Будапештом приостановлено: ему сообщили, что в аэропорту никогда еще не принималось столь жестких мер безопасности, как на те две недели, когда должна была пройти международная научная конференция. То же самое происходило на всех главных железнодорожных станциях, и, как указывал источник, все пассажирские поезда дальнего следования усиленно патрулировались тайной полицией. Оставалась только автомобильная дорога: сначала нелегально перейти границу — не такой уж большой подвиг, если заручиться помощью специалиста, а у Рейнольдса такой был, причем самый лучший, — а затем прокатиться зайцем на каком-нибудь грузовике, едущем на восток. Тот же венский информатор предупредил, что на окраинах Будапешта почти наверняка где-нибудь будет блокпост, и Рейнольдс был к этому готов — к чему он оказался не готов, так это к тому, что застава обнаружится к востоку от Комарома, милях в сорока от столицы (об этом не знал ни один из его информаторов). Такое может произойти с кем угодно — сегодня это случилось с ним. Рейнольдс мысленно философски пожал плечами, и прошлое перестало для него существовать.

Еще одно его свойство, не природное, а скорее привитое беспощадной психологической подготовкой за долгие годы обучения, заключалось в том, что мысли о будущем неукоснительно

упорядочивались и направлялись по одному особому руслу, где исключалось все, кроме достижения одной конкретной цели. И сейчас, когда он лежал в мерзлом снегу, отстраненно и отрешенно думая, высчитывая, планируя и оценивая свои шансы, его лихорадочно проносящиеся мысли были лишены той эмоциональной окраски, которая обычно сопровождает размышления о возможностях успешного выполнения миссии или о трагических последствиях провала. «Всегда будь сосредоточен на текущей задаче, только на ней, — тысячу раз повторял полковник. — Для других успех или провал могут быть до зарезу важны, но тебе должно быть на это наплевать. Для тебя, Рейнольдс, никаких последствий не существует и не должно существовать по двум причинам: когда о них думаешь, теряешь спокойствие и хуже соображаешь, и каждая секунда, которую ты тратишь на такие невеселые размышления, — это секунда, которую нужно и должно потратить на то, чтобы придумать, как выполнить стоящую перед тобой задачу».

Текущая задача. Только текущая задача. Рейнольдс невольно поморщился, ожидая, когда восстановится дыхание. Больше одного шанса из ста никогда не выпадало, а сейчас шансов во много крат меньше. Но задание ждет выполнения: нужно разыскать и вывезти Дженнингса со всеми его бесценными знаниями — только это имеет значение. Но если его, Рейнольдса, ждет провал, что ж, значит будет провал, вот и все. Может быть, он спалится уже сегодня, в первый день своей миссии, которому предшествовали восемнадцать месяцев самой суровой и безжалостной спецподготовки ради выполнения одного только этого задания, но это не важно.

Рейнольдс был в отличной физической форме — он был обязан в ней быть, как и все в группе спецов полковника, — и его дыхание уже почти полностью восстановилось. Что касается полицейских, выставивших блокпост, — их там, кажется, было человек шесть, он успел заметить, как из домика-временки выходила еще парочка, как раз когда он преодолел поворот, — то ему придется рискнуть: больше ничего не остается. Может быть, они останавливают и обыскивают только грузовики, движущиеся на восток, в поисках контрабанды, и им нет дела до охваченных паникой пассажиров, скрывающихся в ночи, хотя вполне

вероятно, что те двое, которых он оставил стонать на снегу, могут проявить к нему интерес. Нужно действовать, он не может лежать здесь бесконечно долго, замерзая на холоде и рискуя, что его заметит кто-нибудь из зорких водителей проезжающих мимо легковушек и грузовиков.

По меньшей мере первую часть пути до Будапешта придется проделать пешком. Три-четыре мили протащиться по полям, а потом снова выйти на дорогу — так, по крайней мере, он окажется подальше от блокпоста, прежде чем решится попробовать сесть в машину. Дорога на восток поворачивает перед блокпостом влево, и ему было бы проще тоже пойти налево кратким путем, минуя изгиб дороги, по основанию треугольника. Но слева, то есть севернее, неподалеку протекает Дунай, и Рейнольдс побоялся оказаться в ловушке на узкой полоске земли между рекой и дорогой. Ничего не оставалось, как двинуться на юг и обогнуть вершину треугольника на безопасном расстоянии — а в такую ясную ночь безопасным могло быть расстояние только очень приличное. Обход займет несколько часов.

Снова громко стуча зубами — он вынул платок, чтобы большими судорожными вдохами втягивать в себя воздух, которого требовали легкие, — продрогший до костей, ощущая беспомощность лишившихся всякой чувствительности конечностей, Рейнольдс заставил себя встать на нетвердые ноги и принялся счищать с одежды мерзлую корку снега, поглядывая на дорогу в направлении полицейского блокпоста. Через секунду он снова лежал ничком в засыпанной снегом канаве, сердце тяжело стучало в груди, а правая рука отчаянно пыталась извлечь пистолет из кармана пальто, куда Рейнольдс засунул его после схватки с полицией.

Теперь он понимал, почему полицейские не спешили его искать, — они могли себе это позволить. Но чего он не мог понять, так это того, как по собственной глупости он решил, что обнаружить его могут только благодаря какому-нибудь предательскому движению или неосторожному звуку. Ведь существуют еще и запахи — он совсем забыл о собаках. Даже в полумраке нельзя было ошибиться в том, какая собака семенит впереди по дороге, рьяно нюхая воздух: ищейку ни с кем не спутаешь, если есть хоть какой-то свет.

Кто-то из приближающихся вдруг крикнул, остальные возбужденно заговорили, и он снова поднялся на ноги. Сделав всего три шага, он оказался у деревьев. Надеяться на то, что его не заметили в этом белоснежном просторе, не приходилось. Сам он успел разглядеть, что полицейских было четверо, каждый с собакой на поводке. Остальные три собаки точно были не ищейки.

Он зашел за ствол дерева, чьи ветви совсем недавно дали ему ненадолго столь ненадежное убежище, достал из кармана ствол и посмотрел на него. Превосходно сделанный миниатюрный бельгийский автоматический пистолет калибра 6,35 мм специального изготовления представлял собой высокоточное смертоносное оружие, из которого он в десяти случаях из десяти попадал в цель размером меньше человеческой ладони с расстояния в двадцать шагов. Но он знал, что этой ночью ему трудно будет попасть в человека даже с половины этого расстояния: дрожащие онемевшие руки совсем не слушались. Машинально он поднес пистолет к глазам, и его губы сжались: даже в тусклом свете звезд он увидел, что ствол забит смерзшейся грязью и снегом.

Рейнольдс снял шляпу и, держа ее за поля на уровне плеч, чуть высунулся из-за дерева, подождал пару секунд, пригнулся как можно ниже и рискнул бросить быстрый взгляд на полицейских. В пятидесяти шагах от него, если не ближе, двигались в ряд четверо с собаками на натянутых поводках. Рейнольдс выпрямился, достал из внутреннего кармана шариковую ручку и быстро, но без спешки, принялся прочищать ствол от мерзлого снега. Онемевшие руки его подвели, ручка выскользнула из негнущихся пальцев и острием вниз нырнула в глубокий снег. Искать ее бесполезно, ничего уже не успеть.

По уезженному снегу дороги хрустко скрипели сапоги со стальными подковами. Тридцать шагов, а может, и меньше. Он протиснул белый указательный палец в спусковую скобу, прижал внутреннюю сторону запястья к твердой шершавой коре, готовый обхватить дерево — нужно будет сильно прижаться к стволу, чтобы обеспечить хоть какую-то устойчивость дрожащей руке, — а левой рукой пошарил на поясе, доставая нож с пружиненным лезвием. Пистолет был предназначен для людей, нож — для собак, шансы были почти равны: полицейские приближались к нему, растянувшись по всей ширине дороги, винтовки свисали с согнутых рук — неумелые дилетанты, не знаю-

щие ни что такое война, ни что значит смерть. Вернее, шансы были бы почти равны, если бы не проблема с пистолетом: первый выстрел может прочистить забитый ствол, а может и оторвать ему руку. В общем, шансы явно не в его пользу, но на подобных заданиях шансы всегда были не в его пользу: текущая задача остается текущей, и ее выполнение оправдывает любой риск, кроме того, что ведет к самоубийству.

Пружина ножа громко щелкнула и выпустила лезвие — двенадцатисантиметровую полоску обоюдоострой вороненой стали, зловеще сверкнувшую в свете звезд. В ту же секунду Рейнольдс обогнул ствол дерева и навел пистолет на ближайшего из наступающих полицейских. Палец на спусковом крючке напрягся, задержался и ослаб. Рейнольдс снова скользнул за ствол дерева. Рука снова, еще сильнее, задрожала, а во рту внезапно пересохло: он вдруг понял, к какой породе принадлежат остальные три собаки.

С неопытными деревенскими полицейскими, как бы они ни были вооружены, он бы справился, с ищейками — тоже, и с немалыми шансами на успех, но только безумец попытался бы помериться силами с тремя обученными доберман-пинчерами, самыми свирепыми и лютыми бойцовыми собаками в мире. Быстро, как волк, сильного, как немецкая овчарка, безжалостного убийцу, не ведающего страха добермана может остановить только смерть. Рейнольдс даже не колебался. Шанс, которым он собирался воспользоваться, оказался не шансом, а верным способом самоубийства. Текущая задача оставалась единственным, что имело значение. У живого, хоть и взятого под арест, все-таки остается надежда; если же доберман-пинчер перегрызет ему горло, то ни Дженнингсу, ни секретам старика-ученого домой уже не вернуться.

Рейнольдс приставил острие ножа к дереву, задвинул подпружиненное лезвие в кожаные ножны, положил нож себе на макушку и натянул на лоб шляпу. Затем швырнул пистолет к ногам изумленных полицейских и вышел на дорогу, в свет звезд, держа руки высоко над головой.

За двадцать минут они добрались до домика, в котором располагался блокпост. Ни при самом задержании, ни во время долгого марш-броска по холоду не произошло ничего особенного.

Рейнольдс ожидал, что в лучшем случае с ним обойдутся грубо, а в худшем — жестоко избыют прикладами винтовок и сапогами со стальными подковами. Но полицейские вели себя безразлично-корректно, почти вежливо, совсем не выказывая ни злобы, ни враждебности, — даже тот, с посиневшей и покрасневшей челюстью, уже изрядно опухшей от удара рукояткой Рейнольдсова пистолета. Они чисто символически обыскали его на предмет наличия еще какого-нибудь оружия, и больше уже не тревожили, не задавали вопросов и не потребовали предъявить документы. От такой сдержанности и правильного до странности поведения Рейнольдсу стало не по себе: в полицейском государстве ожидаешь другого.

Грузовик, в котором он ехал в кузове, все еще стоял здесь. Водитель горячо спорил и жестикулировал руками, пытаясь убедить двух полицейских в своей невиновности — почти наверняка, как догадывался Рейнольдс, его подозревали в том, что он знал о пассажире у себя в кузове. Рейнольдс остановился, попытался заговорить и по возможности оправдать водителя, но ему это не удалось: двое полицейских, оказавшись на виду у штабных и своего непосредственного начальства и желая, видимо, выслужиться, схватили Рейнольдса за руки и втащили внутрь помещения.

Тесная, грубо сработанная квадратная комнатуха, щели в стенах заткнуты мокрой газетой, скудная обстановка: дровяная переносная печка с дымоходом, выходящим на крышу, телефон, два стула, неширокий обшарпанный письменный стол. За столом сидел старший офицер, невзрачный низкорослый краснотолстый толстяк средних лет. Похоже, ему хотелось, чтобы его свинные глазки пронизывали собеседника холодом, но это у него не очень-то получалось: подобная напускная властность выглядела как заношенный плащ. Пустое место, решил для себя Рейнольдс, возможно даже, при определенных обстоятельствах — например, таких, как сейчас, — опасное маленькое пустое место, но готовое при первом же настоящем властном напоре лопнуть, как проколотый надувной шарик. Немного шума, пожалуй, не повредит.

Рейнольдс высвободился из рук державших его полицейских, в два шага оказался у стола и с такой силой обрушил на стол

кулак, что стоявший на этом шатком предмете мебели телефон подпрыгнул, издав тоненький звон, наподобие колокольчика.

— Это вы тут главный? — спросил он сурово.

Человек за столом испуганно моргнул, спешно откинулся на спинку стула и начал было инстинктивно поднимать руки для самозащиты, но тут же опомнился и опустил их. И все это на глазах подчиненных, поэтому и без того красные шея и щеки офицера покраснели еще гуще.

— А кто же еще! — Его голос, поначалу напоминающий визг, понизился на октаву, когда он взял себя в руки. — Кто я, по-вашему?..

— Тогда, черт возьми, что за безобразие происходит? — Рейнольдс прервал его на полуслове, достал из бумажника пропуск и документы, удостоверяющие личность, и бросил их на стол. — Давайте, проверяйте! Посмотрите фотографию и отпечаток большого пальца, и побыстрее. Я и так уже опаздываю и не собираюсь препираться тут с вами всю ночь. Давайте же! Поторопитесь!

Маленькому человеку за столом не было чуждо ничто человеческое, и его впечатлила эта демонстрация уверенности и праведного негодования. Медленно и неохотно он придвинул к себе бумаги и взял их в руки.

«Иоганн Буль, — вслух прочитал он. — Родился в Линце в тысяча девятьсот двадцать третьем году, проживает в Вене, коммерсант, импорт-экспорт деталей машин».

— И здесь я по специальному приглашению вашего министерства экономики, — негромко добавил Рейнольдс. Письмо, брошенное им на стол, было написано на официальном бланке министерства, штамп с датой на конверте поставлен в Будапеште четыре дня назад. Небрежно выбросив ногу, Рейнольдс подцепил стул, подвинул его к себе, сел и закурил — сигарета, портсигар и зажигалка были австрийского производства. Такая естественность и уверенность в себе не могли казаться поддельными. — Интересно, как это ночное происшествие оценит ваше начальство в Будапеште? — пробормотал он. — Думаю, вряд ли это повысит ваши шансы на продвижение по службе.

— В нашей стране рвение, даже излишнее, не является наказуемым проступком. — Голос офицера звучал вполне уверенно,

но пухлые белые руки слегка дрожали, когда он вкладывал письмо обратно в конверт и протягивал бумаги Рейнольдсу. Он положил сцепленные руки перед собой на стол, уставился на них, затем наморщил лоб и перевел взгляд на Рейнольдса. — Почему вы убежали?

— О боже! — Рейнольдс в отчаянии покачал головой: этот очевидный вопрос назревал давно, и у него было достаточно времени, чтобы подготовиться. — А что бы вы сделали, если бы пара головорезов, размахивающих пистолетами, набросилась на вас в темноте? Лежали бы и позволили им безжалостно убить вас?

— Это были полицейские. Вы могли бы...

— Конечно полицейские, — едко перебил его Рейнольдс. — Сейчас я это вижу, но в кузове грузовика ни черта было не разглядеть.

Спокойный, в меру расслабленный, он непринужденно развалился на стуле, но мысли его неслись галопом. Нужно поскорее заканчивать этот разговор. Все-таки человек за столом — лейтенант полиции или что-то вроде того. Не настолько же он тупой, каким кажется с виду, а если так, то в любой момент можно ждать неудобного вопроса. Рейнольдс решил сделать ставку на дерзость: оставив враждебный тон, он заговорил дружелюбно.

— Послушайте, давайте забудем об этом. Я не считаю, что это ваша вина. Вы просто выполняли свой долг — какими бы печальными ни оказались для вас последствия вашего рвения. Давайте договоримся: вы обеспечиваете мне проезд до Будапешта, а я обо всем забываю. Нет причин, по которым это должно дойти до ушей вашего начальства.

— Спасибо. Вы очень добры. — Полицейский офицер принял предложение Рейнольдса с меньшим энтузиазмом, чем тот ожидал; можно было даже предположить, что он произнес это несколько суховатым тоном. — Скажите мне, Буль, зачем вы залезли в этот грузовик? Вряд ли такие серьезные коммерсанты, как вы, пользуются подобным способом передвижения. Вы даже не поставили в известность водителя.

— Он бы наверняка отказал мне — у водителей есть инструкция, запрещающая брать пассажиров без разрешения. — В глубине сознания Рейнольдса предупреждающе зазвенел звоночек. — У меня срочная встреча.

— Но почему...

— В грузовике? — Рейнольдс печально улыбнулся. — У вас коварные дороги. Занесло на льду, съехал в глубокий кювет, и вот вам, пожалуйста, у моего «боргварда» сломана передняя ось.

— Вы ехали на машине? Но коммерсант, который спешит...

— Конечно, конечно! — Рейнольдс позволил прокрасться в свою интонацию нотке раздражения и некоторой толике нетерпения. — Летит самолетом. Но у меня в багажнике и на заднем сиденье было двести пятьдесят килограммов образцов деталей — такую тяжесть, черт возьми, на борт самолета не протащишь. — Он сердито затушил сигарету. — Этот ваш допрос просто смехотворен. Я доказал мои честные намерения, и я очень спешу. Так как насчет проезда до Будапешта?

— Еще два вопросика, и поедете, — пообещал офицер. Теперь он сидел, удобно откинувшись на спинку стула и сложив руки домиком на груди. Беспокойство Рейнольдса усилилось. — Вы приехали прямо из Вены? По главной дороге?

— Естественно! А как еще я мог приехать?

— Сегодня утром?

— Не говорите глупостей. — От Вены до места, где они находились, было чуть меньше ста двадцати миль. — Сегодня после обеда.

— В четыре часа? В пять?

— Позже. Ровно в десять минут седьмого. Я помню, что посмотрел на часы, когда проезжал через ваш таможенный пост.

— Можете в этом поклясться?

— Если нужно, то да.

Офицер кивнул, резко отвел взгляд, и этим застал Рейнольдса врасплох: не успел он и шевельнуться, как три пары рук схватили его сзади, силой подняли на ноги, вывернули руки вперед и защелкнули на них наручники из блестящей стали.

— Какого черта? — Несмотря на шок, холодная ярость в голосе Рейнольдса прозвучала неподдельно.

— А такого, что искусный лжец не может позволить себе пользоваться непроверенными фактами. — Полицейский старался говорить спокойно, но в его голосе и глазах отчетливо читалось торжество. — У меня для вас новости, Буль, если это действительно ваша фамилия, во что я не верю ни на секунду. Австрийская граница закрыта на сутки для проезда кого бы то ни

было — полагаю, это обычная проверка, — начиная с трех часов сегодняшнего дня. На ваших часах, значит, было десять минут седьмого?! — Теперь уже открыто ухмыляясь, он протянул руку к телефону. — Да, вам предоставят проезд до Будапешта, наглый самозванец, — на заднем сиденье полицейской машины и под охраной. Давненько мы не прихватывали шпионов с Запада: уверен, там будут рады обеспечить вам проезд, специально вам, пришлют из самого Будапешта.

Он вдруг замолчал, нахмурился, несколько раз нажал на рычажок, снова поднес трубку к уху, что-то пробормотал под нос и сердито бросил ее.

— Опять не работает! Эта проклятая штука вечно выходит из строя. — Он не смог скрыть свое разочарование: сделать важное сообщение лично — это было бы одним из самых ярких событий в его жизни. Он подозвал ближайшего из подчиненных. — Есть где поблизости телефон?

— В деревне. До нее три километра.

— Отправляйтесь туда немедленно. — Он остервенело набросал что-то на листке бумаги. — Вот номер и сообщение. Не забудьте сказать, что это от меня. Живо!

Полицейский сложил записку, сунул ее в карман, застегнулся на все пуговицы и удалился. В проеме открывшейся на мгновение двери Рейнольдс увидел, что за короткое время, прошедшее с момента его задержания, тучи успели закрыть собой звезды и в прямоугольнике темнеющего неба начинают медленно кружиться тяжелые снежинки. Он невольно поежился и снова посмотрел на полицейского офицера.

— Боюсь, вам придется жестоко за это поплатиться, — тихо произнес он. — Вы совершаете очень серьезную ошибку.

— Упорство само по себе достойно восхищения, но мудрец знает, когда следует остановиться. — Маленький толстяк явно получал удовольствие. — Единственной моей ошибкой было допустить, что можно поверить хоть одному вашему слову. — Он взглянул на часы. — Дороги занесены снегом, и, прежде чем вам обеспечат, хм, проезд, пройдет часа полтора, а то и два. Мы можем с большой пользой провести это время. Будьте так любезны, предоставьте сведения о себе. Начнем с имени — на этот раз, если не возражаете, настоящего.

— Я вам его уже назвал. Вы видели мои документы. — Не дождавшись приглашения, Рейнольдс сел и незаметно проверил наручники: крепкие, плотно прилегают к запястью, бесполезно пытаться их снять. Даже в этом положении, с лишенными свободы руками, он мог бы разделаться с маленьким человечком — нож на пружине остается у него под шляпой, — но за спиной стоят трое вооруженных полицейских, так что нечего и думать об этом. — Эти сведения верные, документы подлинные. Я могу сделать вам одолжение и солгать.

— Никто не просит вас говорить неправду, требуется просто, скажем так, освежить память. Увы, ее, вероятно, придется подстегнуть. — Он отодвинулся от стола, тяжело поднялся на ноги (стоя он оказался еще ниже и толще, чем в положении сидя) и обошел стол. — Извольте назвать ваше имя.

— Я же сказал вам... — Рейнольдс осекся и крикнул от боли, получив два удара по лицу унизанной кольцами рукой, слева и справа.

Он помотал головой, чтобы прийти в себя, поднял скованные руки и тыльной стороной ладони вытер кровь, выступившую в уголке рта. Лицо его оставалось невозмутимым.

— Мы ведь задним умом крепки, — расплылся в улыбке коротышка. — Кажется, в вас уже начинает проклевываться мудрость. Ну же, давайте не будем больше строить из себя дурачка.

Рейнольдс адресовал ему непечатное слово. Лицо с тяжелым подбородком налилось кровью, словно от нажатия выключателя; офицер шагнул вперед, свирепо замахнувшись рукой в кольцах, и тут же рухнул спиной на стол, тяжело дыша и корчась от мучительной боли, вызванной косым ударом ноги Рейнольдса, взметнувшейся вверх. Несколько секунд полицейский оставался там, куда завалился, он стонал, судорожно лоя ртом воздух, полулежа-полустоя на коленях на столе, а его подчиненные так и застыли на месте от неожиданности, потрясенные невероятностью произошедшего. В это мгновение дверь с грохотом распахнулась, и в комнату ворвался ледяной ветер.

Рейнольдс резко повернулся на стуле. Человек, распахнувший дверь, замер в проеме, его пронзительно холодные голубые глаза — с неестественно бледным отливом — впитывали каждую деталь происходящего. Худой, широкоплечий мужчина был такой высокий, что непокрытые густые каштановые волосы почти

касались притолоки дверного проема. Одет он был в подпоясанную ремнем шинель с погонами и высоким воротником — мутно отливая зеленым под налипшим на нее снегом, она прятала под длинными полами верх высоких сверкающих сапог. Физиономия соответствовала внешнему виду: кустистые брови, раздувающиеся ноздри, подстриженные усы, тонко очерченный рот — все это придавало красивому суровому лицу выражение какой-то необъяснимой холодной властности, присущей человеку, давно привыкшему к немедленному и беспрекословному повиновению.

Чтобы закончить осмотр, ему хватило пары секунд. Такому человеку, подумал Рейнольдс, пары секунд достаточно: никаких изумленных взглядов, никаких «Что здесь происходит?» или «Что, черт возьми, все это значит?». Он шагнул в комнату, вынул большой палец из-под кожаного ремня, которым слева на поясе рукояткой вперед был пристегнут револьвер, наклонился, подхватил полицейского офицера и поставил на ноги, не обращая внимания на его белое лицо и громкие страдальческие стоны и вздохи.

— Идиот! — Голос — холодный, бесстрастный, почти лишенный интонаций — соответствовал внешности. — В следующий раз, когда ведете допрос, держитесь подальше от ног допрашиваемого. — Он коротко кивнул в сторону Рейнольдса. — Кто этот человек? О чем вы его спрашивали? Зачем?

Полицейский офицер злобно взглянул на Рейнольдса, втянул воздух в измученные легкие и хрипло, сдавленно заскулил:

— Его зовут Иоганн Буль, он якобы коммерсант из Вены, но я этому не верю. Он шпион, поганый фашистский шпион! — осатанело прошипел он. — Подлый фашистский шпион!

— Ну конечно. — Высокий человек холодно улыбнулся. — Все шпионы — подлые фашисты. Но мне не нужно ваше мнение, мне нужны факты. Во-первых, откуда вам известно его имя?

— Он его назвал, и при нем есть документы. Фальшивые, разумеется.

— Дайте их мне.

Полицейский, который уже способен был стоять почти прямо, жестом указал на стол.

— Вот они.

— Дайте их мне.

Во второй раз просьба была произнесена абсолютно тем же голосом и с той же интонацией, что и в первый. Полицейский торопливо протянул руку, морщась от боли, вызванной резким движением, и передал документы.

— Отлично. Ну да, отлично. — Новоприбывший опытной рукой перелистал страницы. — Могли бы сойти за подлинные — но они подделка. Да, это к нам.

Рейнольдсу пришлось сделать над собой сознательное усилие, чтобы расслабить сжатые кулаки. Этот человек чрезвычайно опасен, он опаснее целой дивизии безмозглых растяп вроде этого коротышки-полицейского. Пытаться перехитрить его — напрасная трата времени.

— К вам? К вам? — Полицейский совершенно не понимал, о чем идет речь. — О чем вы?

— Вопросы задаю я, малыш. Вы говорите, он шпион. Почему вы так решили?

— Он сказал, что пересек границу сегодня вечером. — Малыш усваивал урок краткости. — Но граница была закрыта.

— Она действительно была закрыта.

Незнакомец прислонился к стене, извлек из тонкого золотого портсигара папиросу — элита не пользуется латунными или хромированными, мрачно подумал Рейнольдс, — закурил и внимательно посмотрел на Рейнольдса.

Молчание нарушил полицейский. За двадцать или тридцать секунд он успел собраться с мыслями и призвать на помощь остатки смелости.

— Почему я должен вам подчиняться? — храбрясь, выпалил он. — Я вас ни разу не видел. Командую здесь я. Кто вы такой, черт возьми?

Минуло секунд десять — десять секунд, в течение которых новоприбывший внимательно изучал одежду и лицо Рейнольдса, прежде чем лениво отвернулся и опустил глаза на низенького полицейского. Взгляд у него был ледяной, бесстрастный, но выражение лица не изменилось, и полицейский, прижавшись спиной к краю стола, как будто странным образом стал меньше в размерах.

— Я изредка проявляю великодушие. Забудем пока, что и как вы сказали. — Он кивнул в сторону Рейнольдса, и его голос сде-

Маклин А.

- М 15 Последняя граница : романы / Алистер Маклин ; пер. с англ. А. Александрова, К. Плешкова, Д. Попова. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 768 с. — (Мир приключений. Большие книги).

ISBN 978-5-389-29781-4

Алистер Маклин (1922–1987) — британский писатель, автор 28 остросюжетных романов и приключенческих рассказов, сценарист. Его имя широко известно читателям всего мира. Книги Маклина разошлись тиражом более 150 миллионов экземпляров, по его романам, сценариям и сюжетам было снято 18 фильмов. В 1983 году Университет Глазго присвоил писателю степень доктора литературоведения.

Флагман сборника «Последняя граница» — шпионский триллер, посвященный событиям холодной войны. Британский секретный агент противостоит тайной полиции Венгрии, выполняя миссию по спасению похищенного ученого, своего соотечественника. В 1961 году роман был экранизирован под названием «Тайные пути».

Военный боевик «Партизаны» возвращает нас во времена Второй мировой. Майор Петерсен со своей командой пересекает Югославию, чтобы доставить секретное сообщение и разоблачить двойного агента, действующего в партизанском отряде.

«К югу от Явы» — шпионский, военно-морской и приключенческий роман, действие которого происходит в 1942 году, сразу после падения Сингапура. Разношерстная группа беглецов покидает горящий город на борту ветхого грузового судна под командованием капитана с весьма сомнительной репутацией...

Все романы выходят в новом переводе.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

АЛИСТЕР МАКЛИН
ПОСЛЕДНЯЯ ГРАНИЦА

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редакторы Александр Етоев, Елена Гуляева
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Дмитрий Капитонов, Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 16.09.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 47,04. Заказ № .

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MPB-38915-01-R